

ности номинации; кроме того, фразеологизмы удобны для выражения размытых понятий, что также обусловлено неполнотой мотивированности их значений [7, с. 181]. Таким образом, семантическая мотивированность фразеологизма является одной из наиболее важных его характеристик, т.к. анализ мотивационных процессов фразеологических знаков позволяет проникнуть в образно-ассоциативные механизмы языка. Основой мотивированности фразеологизма является исходный образ, который создает двуплановость восприятия и ощущается носителями языка как реальный или нереальный. Помимо образной основы мотивационно значимыми в семантической структуре фразеологизма оказываются фонетические особенности того или иного языка, морфосинтаксическая структура или несколько средств одновременно. Фразеологизмы могут обладать различной степенью мотивированности, что влияет на их экспрессивный потенциал.

Литература

1. Глухов В.М. К методике аспектуально-сопоставительного исследования славянских фразеологических систем // Филол. науки. 1987. № 3. С. 45 – 51.
2. Добровольский Д.О., Малыгин В.Т., Коканина Л.Б. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков) : курс лекций. Владимир, 1990.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М. : Высш. шк. ; Дубна : Изд. центр «Феникс», 1996.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2006.
5. Райхштейн А.Д. К сравнительно-типологической характеристике фразеологических систем // Исследования по сопоставительной типологии языков. М., 1982. С. 102 – 113.
6. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.
7. Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. М. : Гнозис, 2006.
8. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
9. Фразеологический словарь русского литературного языка конца 18 – 20-го вв. / под ред. А.И. Федорова. М., 1995 (ФСРЛЯ).
10. Хайруллина Р.Х. Картина мира во фразеологии (тематико-идеографическая семантика и образно-мотивационные основы русских и

башкирских фразеологизмов) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997.

11. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура // Вопр. языкознания. 1996. №1. С. 58 – 69.

12. Черданцева Т.З. Язык и его образы: Очерки по итальянской фразеологии. 2-е изд., М., 2007.

Semantic motivation and its role in phraseological unit image potential formation

There is investigated the semantic motivation in phraseology. Phraseological unit is regarded as a motivated language unit which meaning formation and image potential are influenced by various language means.

Key words: *phraseological unit, phraseological meaning, motivation, image.*

Н.М. УСТИНОВА
(Таганрог)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО С ОТНОШЕНИЕМ НОМИНАТИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Системы ССЦ с отношением идентификации по природе идентифицируемого объекта образуют три семантические разновидности денотативной, сигнификативной и номинативной идентификации. Первые устанавливают идентичность денотата самому себе, вторые определяют сущность понятия с помощью другого, однородного ему понятия, третьи – идентичность имен по отношению к одному и тому же денотату. В статье исследуются ССЦ с отношением номинативной идентификации.

Ключевые слова: *сложное синтаксическое целое, идентифицирующие отношения, номинация, языковой код.*

Номинативная идентификация в системе сложного синтаксического целого (далее ССЦ) – это установление тождества

имени посредством другого имени. Ей соответствует такая языковая форма выражения, когда в первом компоненте системы ССЦ употребляется слово (иногда словосочетание или целое предложение), которое слушающему (читающему) не знакомо. Содержание высказывания с неизвестной номинацией является неизвестным. Важнейшей коммуникативной задачей здесь будет сохранение целостности текста путем разрешения данной проблемы, заключающейся в установлении идентичности неизвестного имени. Второй компонент системы содержит идентифицирующую номинацию, равную по объему семантики неизвестному имени. Идентифицируемым объектом в ССЦ данного типа выступает не предмет действительности, как в случае денотативной идентификации, не понятие, как в ССЦ с сигнификативной идентификацией, а само слово (словосочетание, предложение) с его знаковой сущностью. Сравните определение языкового знака, данное П.В. Чесновым: «... это материальная единица (звуковой или графический комплекс), воспроизводящая в силу исторически условной связи идеальное содержание, которое представляет собой отражение определенного факта объективной действительности» [5]. Не противоречит этому высказыванию взгляд И.Р. Гальперина на язык как на «некий код, в котором сигналы (фонемы, морфемы, лексемы, синтаксемы) организуются в целях передачи соответствующей информации, доступной всем реципиентам, владеющим этим кодом» [2]. По мнению ученого, такой языковой код, который представляет собой не что иное, как нормы литературного языка, развивает ряд субкодов. Основной трудностью в декодировании информации текста является незнание вариантов языкового кода. Помимо знания общезыкового кода, т.е. правил сочетания слов, морфем, предложений, существуют еще варианты этого кода, определяющие правила пользования языковыми средствами в тех или иных типах текста. Так, вряд ли описание научного исследования неких биологических процессов будет содержать информацию для специалиста, скажем, в области аэродинамики, подобно тому, как план военной операции, зашифрованный определенным кодом, будет нести информацию только тем, кто знает этот код [2]. Если адресат речи не владеет таким кодом, то, соответственно,

и информация, заложенная в нем, остается неизвестной.

Отношение номинативной идентификации может включать в качестве своих термов как имена собственные, так и имена нарицательные. Но идентифицирующие отношения могут складываться только между единицами одноплановыми, т.е. или между именами собственными, или между именами нарицательными. Речь идет о двух равноправных знаках, способных обозначать один и тот же объект, но относящихся к различным кодам, диалектам, разным системам терминологии, функциональным стилям, жаргонам, периодам развития одного языка. Дейктические слова в составе идентифицирующих номинаций компонентов ССЦ данного типа употребляться не могут. Таким образом, в системе ССЦ интересующего нас типа между компонентами складываются отношения именования. Неизвестная номинация первого компонента системы является идентифицируемой, второй компонент содержит идентифицирующую номинацию.

Чаще система ССЦ с отношением номинативной идентификации имеет форму диалога, реже – монолога. В диалоге инициатором идентификации является тот человек, кому то или иное слово в высказывании, произнесенном собеседником, не известно, в монологе – это сам автор повествования. Рассмотрим следующий пример: – *Катька, неси дробыну, будем коту спасать. – Тётъ Тай, какую дробыну? // – Да лестница это, неси быстрее...* (А. Данилова). Данная система ССЦ имеет форму диалога. Первый компонент содержит в первой предикативной части идентифицирующий номинативный признак *дробына*, повторяющийся в вопросительном предложении. Первая предикативная часть сложного предложения обращена к собеседнику с побуждением принести предмет, который называется автором высказывания словом *дробына*, являющимся диалектизмом. Идентифицируемая номинация употреблена референтно, т.е. называет объект действительности. Из предыдущего контекста известно, что *Катька*, девушка, которая родилась и выросла в Москве, приехала погостить к *тетке* на Кубань. Естественно, что для Кати диалектная лексика этой местности не знакома. Она не знает этого слова и, тем более, не может соотнести его ни с каким предметом действительности. Содержание побудительного выска-

звания для нее остается неясным. *Катя* задает вопрос: – *Тётя Тай, какую дробыну?* Данное высказывание, помимо прямого вопросительного смысла, включает скрытые, имплицитно выраженные смыслы, которые условно можно сформулировать следующим образом: «Я не знаю значение слова *дробына*, поэтому не могу соотнести это слово с предметом реальной действительности. Назовите слово так, чтобы я поняла, какой предмет должна принести». Второй компонент системы состоит из сложного предложения, первая предикативная часть которого представлена высказыванием тождества с идентифицирующей номинацией – *лестница*. Данное название предмета относится к общеупотребительной лексике русского языка. Оно понятно для адресата идентификации. Таким образом, слово *дробына*, будучи диалектным, идентифицируется со словом *лестница*, общеизвестным и понятным для адресата высказывания.

Если в системе ССЦ с номинативной идентификацией в первом компоненте идентифицируемая номинация представлена словом (иногда словосочетанием), относящимся к другому языковому коду или лексике ограниченной сферы употребления (диалектизмы, жаргонные слова, термины и т.д.), то, как правило, во втором компоненте идентифицирующими выступают слова общеупотребительные, известные любому носителю языка и составляющие основу его словарного состава. Так, в следующем ССЦ номинация первого компонента относится к словам узкоспециальной военной лексики: *Связисты, хватаясь за карабины, зверски ругались с эрэсовцами. // Так называли на фронте минометчиков* (В.П. Астафьев). Во втором компоненте идентифицируемое слово *эрэсовцы* называется другим, более распространенным и, соответственно, более понятным словом *минометчики*. ССЦ имеет форму монолога. Следует отметить, что такая форма для систем анализируемого типа не типична и встречается крайне редко. В отличие от систем ССЦ с отношением денотативной и сигнификативной идентификации, тяготеющих к объемному, подробному описанию идентифицируемого объекта в форме монолога, этот тип конструкций, как правило, состоит из двух предложений. Второй компонент систем ССЦ анализируемого типа чаще представлен простым предложением, которое включает предикат со значением наименования (*называется, име-*

уется), слова *то же, так же, так, иначе, то же самое, то же, что и* и т.д. Как уже указывалось, идентифицируемая номинация может быть выражена не только одним словом, но и словосочетанием. В ССЦ – *А скажите, пожалуйста, Павлуша, – начал Федя, – что, у вас тоже в Шаламове было видать предвиденье-то небесное? // Так мужики называют у нас солнечное затмение* (И.С. Тургенев) объединены высказывания разных речевых авторов: первое принадлежит Феде (предложение имеет форму прямой речи с указанием на автора), второе – самому рассказчику. Прямая речь содержит идентифицируемую номинацию, выраженную сочетанием двух слов *предвиденье небесное*. Автор рассказа, предполагая, что читателю будет не понятно использованное словосочетание, разрывает диалог двух героев пояснением: *Так мужики называют у нас солнечное затмение*, в котором сообщается о соответствии общеизвестного названия *солнечное затмение* номинации *предвиденье небесное*. Оба наименования обозначают одно и то же явление природы, только первое употребляется в диалекте, второе является общеупотребительным. Второе поясняющее высказывание можно трансформировать в предложение тождества: *Предвиденье небесное – это то же, что солнечное затмение. Дробына – это то же самое, что лестница.*

В следующем примере отношения идентификации складываются между именами собственными: *Раньше пользовались «Ильхановыми таблицами», которые составил Ходжа Насир-и Туси во времена Хулагу-хана в Мараге. // Хулагу-хана также называют Ильханом (Л. Усыкин).* ССЦ имеет форму монолога. В первом компоненте, оформленном сложным предложением, упоминается имя правителя *Хулагу-хан*, которое отождествляется с именем собственным *Ильхан*, функционирующим во втором компоненте. Предложение тождества объединяет в своей структуре оба имени собственных и представляет собой классическую организацию предложения номинативного тождества [1]. Семантически и структурно полное предложение тождества в ССЦ с идентифицирующими отношениями встречается крайне редко, чаще это предложения с незамещенными структурными, семантическими или структурно-семантическими позициями. Но в данном примере повтор идентифицируемой номинации в предложении тождества оправдан

присутствием в первом компоненте системы более одного имени собственного.

Источником развития отношения идентификации могут быть, как отмечает В.В. Миргородская, «номинации в непрямом своем употреблении, что вполне естественно для языка в силу его многообразных связей с реальной действительностью» [4]. Ср.: ... *ее муж ... теперь работает «на набережной»*. – *На какой набережной? //– В министерстве иностранных дел, Мими. А говорят просто – на набережной...* (М. Матве). В данном примере идентифицируемая номинация выражена предложно-падежной формой имени существительного «на набережной». Идентифицирующая номинация второго компонента, состоящая из нескольких слов, обозначает название государственного учреждения – *министерство иностранных дел*. Номинация первого компонента – это переносное метафорическое наименование денотата по его местоположению, т.е. здание министерства иностранных дел расположено на набережной. Идентифицирующее имя второго компонента относится к полному общепонятному наименованию идентифицируемого объекта.

Ситуация номинативной идентификации может возникать и между двумя знаками, которые принадлежат к разным языковым системам, т.е. к разным языкам. Сравните: – *А потом, если хочешь, можем разойтись, ты останешься Исаховым, но с чистым паспортом. Сделаешь мне талак. – Что такое талак? //– По-татарски – развод* (А.Н. Рыбаков). ССЦ имеет форму диалога. Первый компонент системы содержит неизвестное слово «талак». Вопрос «Что такое талак?» свидетельствует о том, что говорящему это слово не известно. Во втором компоненте, имеющем форму неполного предложения, сообщается, что по-татарски это «развод». Таким образом, первая номинация является принадлежностью татарского языка, вторая – русского. Как верно заметила О.Б. Йокояма, одним из основных требований успешной коммуникации является «общее знание языкового кода» всех ее участников [3]. Один из собеседников использует в речи слово, относящееся к системе такого «языкового кода», которым другой коммуникант не владеет. Возникает ситуация непонимания. Перевод номинации одного языка в систему наименования другого, доступного обоим участникам диалога, позволяет слушающему понять содержание высказывания «Сделаешь мне талак».

Рассмотрим следующий пример ССЦ: *Мы сидели с ним на кухне, и он спрашивал меня, отчего это у доктора Головачева такие узкие брюки? «Ему же, наверное, неудобно. Как он их надевает?» – «Это просто мода, – объяснял я. Сейчас многие ходят в таких брюках. // Они называют себя «стиляги»*» (А. Герасимов). Здесь идентифицируемым объектом является знак, не относящийся к системе знаков языка. В истории развития человеческого общества было немало случаев, когда предмет одежды, ее цвет, форма, модель становились символом принадлежности человека к некоей социальной группировке (например, нам известно «восстание желтых повязок» в Китае, «оранжевая революция» в Украине, обязательным атрибутом хиппи являются длинные волосы, у готтов – черная одежда и макияж и т.д.). В данном ССЦ словосочетание «узкие брюки» обозначает такой элемент одежды, который в реальной действительности выполняет функцию знака, символизирующего группу молодежи 1960-х годов, представителей которой называли стилиагами (т.е. «узкие брюки» как знак внеязыковой действительности = «стиляга»). Говорящий не знает этого знакового соотношения, именно поэтому он задает вопрос «отчего это у доктора Головачева такие узкие брюки», на что получает ответ, поясняющий, что это особенности моды. Второй компонент системы представлен простым предложением, в котором местоимение «они» семантически соотносится со словом «многие» предыдущего высказывания, им подчеркивается указание на принадлежность доктора Головачева к некоторой группе лиц, увлеченных модой и именующихся «стилягами». Предикат со значением наименования обозначает, что идентифицирующая номинация в речи выполняет функцию языкового знака. Данное предложение в ССЦ аналогично высказыванию тождества: *Это «стиляги»* или *Эти люди называются «стиляги»*. Хотя здесь предметом идентификации является не языковой знак, однако отождествление осуществляется при помощи знака языка, поэтому мы такие ССЦ рассматриваем в рамках номинативного типа идентификации, выделяя как особую разновидность.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. 4-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2005 (Лингвистическое наследие 20-го в.).

2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 3-е изд., стер. М. : Едиториал УРСС, 2005.

3. Йокояма О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М. : Яз. славянской культуры, 2005 (Studia philologica).

4. Миргородская В.В. Содержание отношения идентификации в системе сложного синтаксического целого // Программы лингвистики текста в культурологическом освещении : межвуз. сб. науч. тр. Таганрог : ТГПИ, 2001. С. 76 – 90.

5. Чесноков П.В. Спорные проблемы курса «Общее языкознание» : учеб. пособие. Таганрог, 1996.

Peculiarities of complex syntactic whole system formation with nominative identification

Complex syntactic whole systems with identification make three semantic varieties of denotative, significant and nominative identification. The first ones establish denotation identity to itself, the second define notion essence with the help of a similar notion, the third define names' identity with the same denotation. The article deals with complex syntactic whole with nominative identification.

Key words: *complex syntactic whole, identifying relations, nomination, language code.*

О.Г. ДУБРОВСКАЯ
(Тюмень)

КОНТЕКСТ КАК ФАКТОР ГИБРИДИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТИЛЕЙ

Рассматривается проблема необходимости учета ситуативного контекста как фактора, способствующего гибридизации коммуникативных стилей в границах одного и того же дискурса.

Ключевые слова: *контекст, коммуникативный стиль, прямая/непрямая коммуникация.*

Наше исследование посвящено коммуникативным стилям общения, в частности выявлению условий гибридизации комму-

никативных стилей и изучению фактора ситуативного контекста как важного компонента, детерминирующего смешение стилей в реальной ситуации общения. Материалом работы послужили тексты разных жанров: речи постоянных представителей России, Грузии, США при ООН В. Чуркина, И. Аласани, З. Халилзада на заседаниях Совета Безопасности ООН (10 августа 2008 г.), интервью политических деятелей России, Грузии английскому телеканалу ВВС в программе “Hardtalk” (12.08.08 и 14.08.08 соответственно), а также выступления первых лиц России и США. Из-за ограниченного объема статьи мы приведем наиболее показательные примеры.

Проблема взаимосвязи контекста и языка в теории межкультурной коммуникации, как известно, исследовалась Э. Холлом [10], Г. Хофстеде [13]. В своих работах авторы изучают влияние «контекста культуры» (context of culture) и «культурных измерений» (cultural dimensions) на процесс, течение и результат коммуникации. В зарубежной теории межкультурной коммуникации к настоящему времени выработана типология коммуникативных стилей общения, позволяющая объяснить особенности вербального поведения представителей разных культур. Идея Э. Холла о существовании двух контекстов культур (культур высокого и низкого контекста) способствовала теоретической дифференциации стилей и описанию таких стилей, как low-context / high context communication; direct / indirect verbal interaction styles; person-oriented / status-oriented verbal styles; self-enhancement / self-effacement verbal styles; talk / silence; topic-comment / comment-topic style; feminine / masculine [15; 16].

На разнообразном фактическом материале исследователями ведется поиск языковых маркеров, типичных для каждого из стилей, выявляется взаимосвязь между типом культуры и национальным коммуникативным стилем (например, [6; 7]). В целом принято полагать, что *низкоконтекстные* культуры ориентированы на прямой стиль общения, тогда как культуры *высокого* контекста актуализируют непрямой способ оформления мысли, высокий уровень дистанцированности, статусно-ориентированное общение; для них свойственны элементы самопринижающе-